

А. И. Зазулин

Халле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера
(Германия),

Юридическая фирма INTELLECT
(Екатеринбург)

В. Е. Бирклей

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,

Юридическая фирма INTELLECT
(Екатеринбург)

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК И СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И КОЛЛИЗИИ

В статье предпринимается попытка провести комплексный анализ соотношения уголовно-правовой и гражданской (банкротной) квалификации деяний, связанных с доведением организации до банкротства контролирующими ее лицами. Приведены примеры, отражающие как схожесть уголовно-правовых составов с составами гражданских правонарушений (прежде всего со ст. 61.11 Закона о банкротстве), так и схожесть самих уголовно-правовых составов между собой (например, ст. 158 и 196, 197 УК РФ). Анализ материалов судебной практики и доктринальных источников позволил авторам прийти к выводу о тождественности составов привлечения к субсидиарной и уголовной ответственности за умышленные неправомерные действия в банкротстве, и, как следствие, о возникновении ряда процессуальных пересечений, коллизий в случае обращения заинтересованных лиц в суд с гражданским иском в рамках уголовного судопроизводства либо с иском о привлечении лица к субсидиарной ответственности в рамках дела о несостоятельности (банкротстве).

Приведены процессуальные последствия тождественности уголовно-правовой и гражданской квалификации, затронута проблематика разных стандартов доказывания в сфере уголовного и гражданского судопроизводства, двойной ответственности, разной очередности требований кредиторов. Исследованы подходы к решению рассмотренных в статье проблем в зарубежных правовых системах, в частности в Германии и КНР. Авторы заключают, что необходимо оставить лишь один из двух механизмов защиты прав кредиторов. Это позволит избежать обозначенных в статье коллизий и снизить правовую неопределенность для кредиторов.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, гражданский иск, фиктивное банкротство, соотношение норм, преднамеренное банкротство

Для цитирования

Зазулин А. И., Бирклей В. Е. Гражданский иск и субсидиарная ответственность: вопросы соотношения и коллизии // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 55–66. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_55.

УДК 34.096

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_55

С каждым годом растет количество лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности. Если в 2016 г. было вынесено всего 439 соответствующих судебных актов, то в 2022 г. – уже 3385¹. Таким образом, за шесть

прошедших лет инструмент привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц стал применяться судами в семь раз чаще.

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. 31 декабря 2022 года // URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf> (дата обращения: 21.09.2023).

[fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf](https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf) (дата обращения: 21.09.2023).

Эта тенденция приводит не только к дальнейшему развитию института субсидиарной ответственности, но и к возникновению коллизий между ним и другими отраслями права, особенно уголовным. Как экономические преступления, так и преступления против собственности тесно переплетаются с рассмотрением обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности. И в рамках уголовного дела по ст. 158, 196, 197 УК РФ, и в рамках обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности правонарушитель сталкивается с угрозой применения по отношению к нему имущественной санкции – взыскания денежных средств в пользу пострадавшего-кредитора. Между тем законодательство не дает ответа на вопрос о соотношении ответственности за вред, причиненный преступлением, и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Пробел в материальном праве влечет за собой процессуальную неопределенность в части последствий заявления кредиторами данных требований параллельно.

Более того, наблюдается и путаница в понимании того, какой из уголовно-правовых составов применим к обстоятельствам доведения предприятия до банкротства. Ярким примером является заключение недействительной сделки в пользу родственника-директора, повлекшей несостоятельность компании. Одними судами данное деяние квалифицируется как преднамеренное банкротство¹, другими – как присвоение и растрата², третьими – как мошенничество³. Эта конкуренция уголовно-правовых составов приводит к еще большей «неразберихе» в вопросе о материально-правовой тождественности уголовного и гражданского банкротных деликтов.

Цели настоящей статьи – проанализировать указанную проблему и предложить подходы к ее разрешению с учетом опыта иностранных правопорядков.

Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов

Субсидиарная ответственность по долгам предприятия-банкрота – правовой механизм,

¹ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 22 апреля 2022 г. по делу № 1-15/2022 (1-687/2021).

² Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 28 января 2016 г. по делу № 1-972/2015.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 20 октября 2020 г. по делу № 1-342/2020.

подразумевающий переложение дополнительной ответственности на лицо, не являющееся основным должником (ст. 399 части первой Гражданского кодекса РФ), на основании совершенного им деликта по отношению к кредитору основного должника (ст. 1064 ГК РФ). Деликт в таком случае совершается посредством неправомерного вмешательства в деятельность должника (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021)).

Таким образом, при рассмотрении заявления о субсидиарной ответственности суду надлежит установить, совершило ли лицо соответствующий деликт, состав которого раскрывается в специальных положениях законодательства о банкротстве.

Согласно текущей редакции ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), основаниями для привлечения лица к субсидиарной ответственности может являться осуществление им следующих действий:

совершение от лица общества или одобрение недействительной сделки, которая повлекла за собой причинение существенного вреда предприятию, а следовательно, и интересам его кредиторов (подп. 1 п. 2 ст. 61.11);

потеря или искажение бухгалтерской документации, реестров и отчетности юридического лица, в результате чего невозможно или существенно затруднены формирование конкурсной массы и проведение других банкротных мероприятий (подп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11);

совершение уголовного, административного или налогового правонарушения, в результате чего у предприятия образовалась задолженность, превышающая 50 % размера всех требований кредиторов (подп. 3 п. 2 ст. 61.11);

невнесение в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) и Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц (ЕФРСФДЮЛ) обязательных сведений или их искажение (подп. 5 п. 2 ст. 61.11).

При этом в качестве субъекта нарушений, влекущих за собой субсидиарную ответственность, выступают не только должностные лица предприятия (директор, коммерческий директор, главный бухгалтер и т. д.), но и иные, формально не входящие в круг управленцев, но имеющие возможность влиять на деятельность должника тем или иным спосо-

бом (теневые бенефициары, внешние юристы, аудиторы и т. д.)¹. Все эти акторы объединены в категорию контролирующих должника лиц (ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Таким образом, Закон о банкротстве описывает все элементы деликта, установление которых ведет к привлечению лица к субсидиарной ответственности:

противоправное поведение в виде вмешательства в деятельность общества-должника в формах, предусмотренных п. 2 ст. 61.11;

причинение вреда имущественным интересам кредиторов общества-должника в виде невозможности погашения требований перед ними (п. 1 ст. 61.11);

причинная связь между поведением и вредом;

вина в виде умысла или грубой неосторожности.

Отличительной особенностью института субсидиарной ответственности является то, что два последних элемента, а именно причинная связь и вина, в силу п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве презюмируются, пока контролирующее должника лицо не докажет обратное.

Сопряженные преступления в сфере банкротства

В силу своей экономической важности и комплексности последствий банкротство попадает в фокус не только гражданского, но и уголовного права. Еще до революции А. Н. Трайнин отмечал, что банкротный деликт отличается тем, что слагается из двух элементов, из которых один (несостоятельность) – понятие гражданского права, а другой (банкротное деяние) – понятие уголовно-правовое [Трайнин 1913: 27].

Многие неправомерные действия, указанные в ст. 61.11 Закона о банкротстве, могут быть квалифицированы также как преступления. Между тем применяемые в настоящее время уголовно-правовые составы отличаются, с одной стороны, широким многообразием, с другой – отсутствием четкого разграничения применительно к банкротству.

В первую очередь эта проблема проявляется себя в разграничении специальных «банкротных» статей Уголовного кодекса РФ –

ст. 195 и 196. В ст. 195 УК РФ объективную сторону преступления образуют действия (бездействие), влекущие, в частности, сокрытие имущества и сведений о нем, сокрытие, уничтожение бухгалтерских документов, отражающих экономическую деятельность, и т. д., а в ст. 196 УК РФ – действия, приведшие к невозможности исполнения в полном объеме обязательств перед кредиторами, в частности создание искусственной кредиторской задолженности, умышленное неисребование дебиторской задолженности и т. д.²

Как видно, обе статьи включают в себя действия, являющиеся основанием для привлечения лица к субсидиарной ответственности. Более того, закрепление действий в диспозиции одной статьи не исключает их квалификации по другой статье, так как разграничение проводится законодателем не по характеру самих действий, а по их последствиям. Например, сокрытие имущества и сведений о нем (ст. 195 УК РФ) может повлечь за собой (в большинстве случаев так и происходит) невозможность исполнения обязательств должника в полном объеме (ст. 196 УК РФ). Такое тонкое переплетение объективной стороны двух различных составов преступлений не только приводит к теоретическим спорам, но и создает практические сложности в квалификации деяний правоохранительными органами [Ляскало 2013: 50].

Неопределенность присутствует и в вопросе отграничения преступлений против собственности (ст. 159 и 160 УК РФ) от экономических «банкротных» составов (ст. 195 и 196 УК РФ) [Орлова 2018: 189]. Анализируя судебную практику, А. Безверхов и А. Саусин вполне обоснованно приходят к выводу о том, что в большинстве случаев состав ст. 196 УК РФ может полностью сводиться к действиям, предусмотренным ст. 159 или 160 УК РФ, когда денежные средства предприятия перечисляются в пользу директора, а не поставщиков. В таком случае суд квалифицирует деяние только как мошенничество [Безверхов, Саусин 2022: 78]. Однако высказывается и альтернативное мнение, согласно которому если мошенничество или присвоение выступили способом преднамеренного банкротства, возможна квалификация по совокупности пре-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 31 августа 2020 г. № 305-ЭС19-24480 по делу № А41-22526/2016; письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@.

² Постановление Ленинского районного суда г. Пензы Пензенской области от 12 июля 2019 г. по делу № 1-20/2019.

ступлений [Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий 2022: 424].

Таким образом, в законодательстве существует, с одной стороны, ряд классических «отработанных» составов, таких как мошенничество и растрата, с другой – ст. 195 и 196 УК РФ, которые, по сути, предусматривают ту же объективную сторону, но в банкротных «декорациях». Та же ст. 196 УК РФ носит настолько общий характер, что под нее подпадает практически любой иной состав: преднамеренное банкротство может достигаться посредством ряда мошеннических действий, прямого присвоения или неправомерных действий при банкротстве. Подобная неопределенность сказывается и на статистике применения рассматриваемых норм: в 2022 г. по ст. 195 УК РФ было осуждено четыре человека, а по ст. 196 УК РФ – 33. В то же время по ставшим «народными» составам преступлений по ст. 159 и 160 УК РФ обвинительный приговор был вынесен в отношении более 15 тыс. человек¹.

На наш взгляд, данная статистика подтверждает тот факт, что правоприменительным органам легче квалифицировать действия субъекта по известным и понятным составам (ст. 159 и 160 УК РФ), нежели по расплывчатым и неоднозначным, которые тем более были долгие годы неизвестны нашему правопорядку (ст. 195, 196 УК РФ)².

Пересечение гражданской и уголовной квалификации

Как уже было упомянуто ранее, и специальные банкротные, и классические составы преступлений могут включать в себя совершение действий, перечисленных в ст. 61.11 Закона о банкротстве. Например, диспозиция ст. 195 УК РФ, описывающая преднамеренные действия при банкротстве, практически дословно повторяет основания привлечения лица к субсидиарной ответственности, указанные в подп. 1, 2 и 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. 2022 год // URL: <https://stat.ani-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.09.2023).

² Напомним, что в период с начала 30-х гг. и вплоть до начала 90-х гг. в нашей стране банкротное право и, как следствие, ответственность за правонарушения в сфере банкротства были забыты: в плановой экономике не было частного хозяйства, предприятия не могли стать банкротами.

Другой пример, уже из практики. Директор туристического агентства присвоила себе денежные средства клиентов, в связи с чем агентство обанкротилось. За указанное хищение недобросовестный руководитель была привлечена к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 160 УК РФ³ и к субсидиарной ответственности по подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве⁴. Иными словами, одни и те же действия лица, контролирующего должника, могут составлять объективную сторону как гражданского, так и уголовного деликта. Потерпевший кредитор в подобном случае имеет не исключающие друг друга возможности предъявить к нарушителю как требование о возмещении вреда в рамках уголовного дела, так и требование о взыскании оставшейся непогашенной задолженности.

Впрочем, мы бы существенно упростили описываемый предмет, если бы констатировали в данном случае полную тождественность гражданского и уголовного деликтов. Анализ их составов действительно позволяет говорить об их тождественности в части субъекта, объекта и объективной стороны, однако в субъективной стороне есть отличия⁵.

Статьи 159, 160 и 195, 196 УК РФ подразумевают наличие прямого или косвенного умысла, в то время как п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве – не только умысла, но и грубой неосторожности, что следует из более широкого определения вины в гражданском праве [Брагинский, Витрянский 2020: 749].

³ Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 16 февраля 2021 г. по делу № 1-94/2021.

⁴ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 3 июля 2023 г. по делу № А33-27888/2019.

⁵ Авторы придерживаются точки зрения, согласно которой состав генерального деликта представляет собой часть формулы правонарушения «объект – объективная сторона – субъект – субъективная сторона». Он отражает объективную и субъективную стороны правонарушения, объект и субъект же выведены за скобки в силу того, что они не важны в гражданско-правовых отношениях. О том, что элементы гражданского деликта представляют собой составные части объективной и субъективной стороны правонарушения, свидетельствует и определение Верховного Суда РФ от 31 марта 2016 г. № 309-ЭС15-16713 по делу № А50-4524/2013. В нем Суд указывает, что «в банкротстве заявитель не обязан отдельно доказывать противоправность, негативные последствия деликта, а также наличие вины, так как указанные элементы объективной и субъективной стороны гражданского правонарушения презюмируются законодателем».

Наличие вины в банкротстве, в отличие от уголовного закона, определяется не психологическим отношением актора к своим действиям, а отклонением от принципа добросовестности и разумности. Такое отклонение может и не преследовать цели доведения до банкротства, а проявляться в совершении рискованных неразумных операций с целью выхода из кризисной ситуации и перераспределения активов.

В связи с этим видится обоснованным мнение В. В. Громова, согласно которому понятие гражданского деликта шире уголовного: субсидиарная ответственность наступает за любые действия, в результате которых предприятие обанкротилось, в то время как уголовно наказуемым являются лишь умышленные действия с указанным результатом [Громов 2007]. Добавить здесь следует одну важную деталь: отличие в субъективной стороне в большинстве случаев не исключает тождественности и пересечения гражданского деликта с уголовным. Если доведение до банкротства совершено умышленно, то следует говорить о полной тождественности оснований субсидиарной и уголовной ответственности. В случае если банкротство стало результатом грубой неосторожности, т. е. отклонения от стандартов экономической разумности, то уголовно-правовая квалификация исключается.

Читатель может возразить, что между основаниями привлечения к субсидиарной ответственности и составами уголовных преступлений существует также разница в размере причиненного вреда (объективная сторона). Согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ для квалификации действий по ст. 195, 196 УК РФ размер причиненного ущерба должен составлять не менее 2 250 000 руб. Следовательно, если размер грозящей субсидиарной ответственности меньше этой суммы, то мы имеем дело исключительно с гражданским деликтом.

На это, однако, следует возразить, что, как уже было сказано ранее, составы ст. 195, 196 УК РФ не пользуются популярностью, и в большинстве случаев описываемые ими действия квалифицируются как мошенничество, присвоение или растрата, которые не имеют нижнего порога ущерба, отграничивающего их от гражданских деликтов. Кроме

того, квалификация по ст. 159, 160 УК РФ, конечно, может быть исключена, если сумма причиненного ущерба очень мала (тогда деяние будет малозначительным в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ). Между тем и субсидиарная ответственность исключается, если причиненный ущерб был незначителен и не оказал существенного влияния на финансовое состояние должника (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Процессуальные последствия тождественности требований и пересечения квалификации

Следствием пересечения материально-правовой квалификации деяний по доведению должника до банкротства становится параллелизм уголовного и арбитражного производства, когда оба суда рассматривают одни и те же обстоятельства, однако оценивают их по-разному. Основные коллизии параллельных процедур проявляются в четырех изложенных ниже аспектах.

Если доведение до банкротства совершено умышленно, то следует говорить о полной тождественности оснований субсидиарной и уголовной ответственности

Стандарты, презумпции и бремя доказывания

Как отмечает А. Г. Карапетов, в уголовном процессе предельный уровень сомнений при установлении фактических обстоятельств по делу должен быть настолько мал, что практически все обстоятельства должны быть установлены со стопроцентной вероятностью; напротив, в гражданском и арбитражном процессе порог событийности выше, и «суды готовы терпеть большую степень сомнений» [Карапетов, Косарев 2019: 14]. Другими словами, в уголовном процессе действует принцип объективной истины [Балакшин 1998: 31], а в арбитражном – достоверной, или так называемой юридической, истины [Арбитражный процесс 2012: 62], т. е. стандарт доказывания по банкротным делам ниже, чем по уголовным.

Еще сильнее разницу подчеркивает наличие противоположных юридических презумпций: если в уголовном процессе действует презумпция невиновности, то в гражданском праве – презумпция вины причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ), а в спорах о субсидиарной ответственности – вины контролирующего должника лица в наступлении банкротства (п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) [Тарасюк, Шевченко 2015: 12].

То же самое мы имеем и в части распределения бремени доказывания: в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» указано, что бремя доказывания вины и размера причиненного преступлением имущественного вреда лежит на государственном обвинителе. Напротив, в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве говорится, что пока не доказано иное, контролирующее должника лицо виновно в совершении действий (бездействия) по доведению должника до банкротства.

В связи с этим возникает вопрос о преюдициальной силе актов уголовного и арбитражного суда при параллельных процессах. Предположим, привлечение к субсидиарной ответственности состоялось раньше, чем вынесение приговора по уголовному делу за то же деяние. Сторона обвинения предъявляет суду определение о привлечении к субсидиарной ответственности, в котором установлены фактические обстоятельства, в том числе вина обвиняемого.

Если отвечать на этот вопрос исключительно с нормативистской позиции, то акт арбитражного суда будет считаться преюдициальным в силу ст. 90 УПК РФ. Однако подобная трактовка не учитывает описанной выше разницы между концепциями истины и стандартами доказывания – признание уголовным судом преюдициальной силы акта о привлечении к субсидиарной ответственности, по сути, будет являться нарушением презумпции невиновности. Именно поэтому к данной ситуации применимо толкование, данное Конституционным Судом в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко.

Согласно ему «принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предвещающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу».

Таким образом, определение арбитражного суда о привлечении к субсидиарной ответственности как более «слабый» с позиции стандартов доказывания судебный акт подлежит *de facto* дополнительной проверке при рассмотрении уголовного дела, но, несмотря на это, в целом может усилить обвинение. В обратной ситуации приговор суда по уголовному делу обладает безусловной преюдициальной силой при рассмотрении обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, делая вопрос о ее установлении практически решенным².

Подобное соотношение приводит к тому, что кредиторы зачастую используют и гражданский иск, и субсидиарную ответственность как усиливающие друг друга инструменты в параллельных процессах, не заботясь о более серьезных процессуальных проблемах, которые мы затронем ниже.

Двойная ответственность

Параллелизм процессов влечет за собой опасность двойного привлечения причинителя вреда к ответственности, когда сначала с него взыскивается ущерб по уголовному делу, а затем – оставшаяся непогашенной сумма требований кредиторов банкрота. Впервые эта проблема была освещена в определении Верховного Суда РФ от 3 июля 2020 г. № 305-ЭС19-17007 (2), в котором суд указал, что в таких случаях необходимо решить вопрос о тождественности двух требований, и если они полностью тождественны – сократить размер субсидиарной ответственности на сумму возмещенного уголовным судом ущерба.

Предложенный Верховным Судом принцип, однако, имеет свои недостатки.

Во-первых, предмет и основания гражданского иска и субсидиарной ответственности могут пересекаться, но не совпадать

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 3 июля 2023 г. по делу № А33-27888/2019.

полностью. Так, в одной из параллельных процедур могут быть предъявлены виды вреда, взыскание которых в рамках другой процедуры невозможно, и наоборот. Например, в рамках уголовного дела может быть взыскан моральный вред, а в рамках субсидиарной ответственности учтены непогашенные требования кредиторов по взысканию упущенной выгоды. Будут ли требования в таком случае считаться тождественными по логике Верховного Суда?

Во-вторых, состав кредиторов тоже может быть не тождествен составу потерпевших. Например, в банкротном деле в реестр требований включены требования компании-юридического лица, вытекающие из задолженности по договору поставки: должник получил предоплату, после чего главный бухгалтер перечислил ее на свой личный счет. В уголовном же деле гражданский иск по этому эпизоду заявлен директором компании-кредитора, который с целью проведения предоплаты внес в кассу своей компании личные деньги в качестве займа в связи с отсутствием оборотных средств. Можно ли здесь говорить о тождественности, если процессуальный субъект требования отличается?

Разный объем ответственности

Размер ущерба, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления, определяется индивидуально, исходя из конкретных правопритязаний кредитора. С обвиняемого взыскивается сумма реального ущерба, а также в отдельных случаях – морального вреда; требования иных потерпевших и конкурсная масса в расчете не учитываются; упущенная выгода взысканию не подлежит (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23).

В свою очередь, размер ответственности контролирующего должника лиц при привлечении их к субсидиарной ответственности определяется иначе. По общему правилу, в размер ответственности таких лиц включаются оставшиеся непогашенными требования всех кредиторов должника (абз. 1 п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Но если в качестве основания для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности выступает не подача заявления о банкротстве, то в размер его ответственности включаются требования кредиторов, возникшие по истечении установленного законом срока для

обращения в суд с заявлением о банкротстве (п. 2 ст. 61.12 Закона о банкротстве).

Основное отличие – отсутствие индивидуализации требований при рассмотрении спора о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, такой иск направлен на защиту прав и законных интересов группы кредиторов. Напротив, при рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного процесса устанавливается и взыскивается ущерб, причиненный отдельному кредитору. Необходимо обратить внимание и на то, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица может быть уменьшен, если такое лицо докажет, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по его вине, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего должника лица. Аналогичных правил в уголовном процессе при рассмотрении гражданского иска законодательством не предусмотрено.

Эти отличия могут привести к разнице между взысканной сумой ущерба по гражданскому иску и размером субсидиарной ответственности по тождественному основанию. В частности, остаются без ответа следующие вопросы. Если лицо привлечено к субсидиарной ответственности раньше, чем вынесен приговор, как должен будет уголовный суд учитывать размер субсидиарной ответственности при удовлетворении гражданского иска? Если же приговор вынесен ранее привлечения к субсидиарной ответственности, какое решение должен принять арбитражный суд, если посчитает обоснованным снижение размера субсидиарной ответственности и сниженный размер будет меньше размера ущерба, взысканного по уголовному делу?

Нарушение очередности требований в банкротстве

Параллелизм гражданского иска и субсидиарной ответственности также может привести к нарушению принципа равенства распределения средств между кредиторами в деле о банкротстве делинквента [Стасюк 2019: 62].

По общему правилу, если банкротный деликт, ставший основанием для привлечения лица к субсидиарной ответственности, был совершен до признания делинквента банкротом, то требование по субсидиарной ответственности является реестровым, а если по

сле признания – текущим (вне зависимости от даты вынесения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности – п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве»).

Вместе с тем аналогичное правило относительно требований, основанных на приговоре, прямо не сформулировано, что может породить ситуацию, когда требования кредиторов, выбравших в качестве защиты институт субсидиарной ответственности, находятся в реестре, а требования кредиторов, заявивших гражданский иск, – в текущих платежах. Это ведет к появлению у последних необоснованных привилегий.

В настоящее время такая проблема решается многими судами посредством аналогии права, когда правило п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 63 распространяется и на требования, возникшие в результате совершения преступления¹. Между тем разумным видится именно прямое закрепление этого решения в законе или практике ВС РФ.

Возможные решения проблемы пересечения

Изложенное ранее позволяет говорить о том, что в ряде случаев одно и то же действие контролирующего должника лица может быть квалифицировано как преступление и как основание для привлечения к субсидиарной ответственности. В качестве таких случаев следует рассматривать совершение перечисленных в ст. 61.11 Закона о банкротстве действий с прямым или косвенным умыслом, вне зависимости от того, квалифицированы они как мошенничество, растрата, неправомерные действия при банкротстве или преднамеренное банкротство.

Это пересечение уголовного и банкротного права влечет за собой возникновение коллизий и неопределенности в соответствующих процессуальных отраслях. Появляется множество вопросов о соотношении требований по гражданскому иску и субсидиарной

ответственности, в том числе об их взаимном влиянии и учете в параллельных процедурах, а также после их завершения – при предъявлении требований к причинителю вреда. В отсутствие прямого законодательного урегулирования данных вопросов суды вынуждены решать их ситуативно. Такой подход, однако, не поможет выработать комплексное и универсальное решение проблемы соотношения институтов гражданского иска и субсидиарной ответственности.

Как суды, рассматривающие уголовные дела, так и арбитражные суды, понимая тождественность этих требований, осознают необходимость концентрации производства в компетенции одной из судебных ветвей. Некоторые суды по уголовным делам оставляют гражданский иск без рассмотрения из-за наличия спора о субсидиарной ответственности с указанием на возможность повторной подачи требований в рамках гражданского производства². В свою очередь арбитражные суды предпринимают попытки приостановить производство до момента вступления в силу приговора суда³. И в том, и в другом случае подобные попытки пресекаются вышестоящими инстанциями.

Проанализировав указанную проблему, И. В. Стасюк приходит к выводу о том, что гражданский иск – институт, альтернативный субсидиарной ответственности, причем предоставляющий ответчику меньшую правовую защиту, в связи с чем предлагает полностью перевести решение проблемы в сферу арбитражного процесса [Стасюк 2019].

Противоположной точки зрения придерживается П. Г. Сычев, который видит в гражданском иске основной инструмент возмещения ущерба, требующий, однако, существенной модернизации и дополнения за счет заимствования ряда положений из института субсидиарной ответственности, в том числе введения в уголовный процесс такого участника, как бенефициар [Сычев 2014: 95]. Проблемы разных концепций вины в уголовном и арбитражном процессе он предлагает решить следующим образом: если у бенефициара имелся прямой или косвенный умысел, то он

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 февраля 2022 г. по делу № А40-143537/2017; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2020 г. № 06АП-3171/20 по делу № А73-2229/2017; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2020 г. № 03АП-2405/20 по делу № А33-17085/2017.

² Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 22 апреля 2022 г. по делу № 1-15/2022 (1-687/2021).

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2021 г. по делу № А56-122124/2018.

привлекается как обвиняемый. Если же имела место грубая неосторожность, либо умысел не доказан, бенефициар-делинквент привлекается к делу как гражданский ответчик.

Ряд иностранных правопорядков также склоняется к отнесению вопроса об ответственности за ущерб, связанный с преднамеренным банкротством, к исключительной компетенции какого-то одного вида судопроизводства.

В § 283 абз. 1 № 1-5 Уголовного уложения Германии предусмотрена уголовная ответственность руководства предприятия за действия, совершенные после наступления признаков объективного банкротства и повлекшие за собой уменьшение конкурсной массы (*Schmälerungen der Masse*). В качестве таких действий могут быть квалифицированы непосредственное ухудшение состояния имущества, его отчуждение по нерентабельным сделкам или мнимым сделкам, утеря документов бухгалтерского учета или искажение содержащейся в них информации [Dapnecker, Knierim, Smok 2018: 343]. С позиции немецкого права указанные действия являются уголовно наказуемыми, а причиненный в результате них вред возмещается за счет удовлетворения гражданского иска в рамках уголовного дела. Соучастники преступления в таком случае несут ответственность, если получили выгоду в результате действий по уменьшению конкурсной массы [Bittmann 2017: 794].

Нетрудно заметить, что диспозиция § 283 абз. 1 № 1-5 Уголовного уложения Германии соответствует основаниям привлечения к субсидиарной ответственности, указанным в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, а принципы привлечения к ответственности соучастников деликта – правилам, описанным в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53.

В данном контексте интересен также пример КНР, где в случае банкротства коммерческого частного предприятия по вине его менеджмента последний привлекается именно к субсидиарной ответственности (ст. 125 Закона КНР о банкротстве предприятий). Если же аналогичная ситуация возникла в государственном предприятии, то его руководитель уже несет уголовную ответственность по ст. 168 УК КНР и возмещает убытки в порядке гражданского иска. Таким образом, ки-

тайский законодатель проводит четкую грань между составами уголовного и гражданского банкротного деликта. Субъектом первого является руководитель государственного предприятия, а второго – управленец частной компании. Представляется, что такая система дифференциации интуитивно понятна и позволяет регулировать возмещение вреда методами той отрасли права, которая наиболее релевантна обстоятельствам дела.

Возвращаясь к российскому правопорядку и обозначенным выше проблемам, предложим следующие возможные пути их решения.

В первую очередь разумно разрешить системную противоречивость норм УК РФ, облегчив таким образом правовую квалификацию действий лиц, контролирующих должника. Как указывалось ранее, составы ст. 195, 196 УК РФ носят настолько общий характер, что в целом под них подпадают составы преступлений, предусмотренные ст. 159, 160 УК РФ, которые и избираются правоприменителем чаще всего. При таких обстоятельствах эффективнее инкорпорировать ст. 195, 196 УК РФ в классические уголовно-правовые составы в качестве квалифицирующих признаков, а не множить правовые сущности.

Помимо этого, необходимо законодательно решить вопрос о соотношении гражданского иска и субсидиарной ответственности. Анализ российской практики и опыта других стран показывает, что сосуществование этих двух институтов приводит к коллизиям и осложняет судебный процесс, что способствует возникновению правовой неопределенности у кредиторов. Предотвратить эти проблемы можно, оставив лишь один из способов защиты прав кредиторов в случае совершения умышленного банкротного деликта.

Хотя гражданский иск и представляется с первого взгляда более надежным инструментом, обеспечивающим лучшую правовую защиту делинквенту, существуют серьезные аргументы против него и позиции П. Г. Сычева. Во-первых, уголовные суды менее компетентны в разрешении сложных экономических аспектов банкротств и совершения недействительных сделок: отказ от субсидиарной ответственности потребует дополнительного обучения судейского корпуса общей юрисдикции, что будет крайне расточительно, если учесть, что в системе

арбитражных судов уже есть такие кадры. Во-вторых, уголовный процесс фокусируется на преступном деянии; характер, размер, порядок возмещения материального вреда и недобросовестность самого потерпевшего являются для него побочными вопросами. Следовательно, при рассмотрении гражданского иска эти аспекты будут упрощаться во вред кредиторам, а возможности недобросовестных кредиторов получить возмещение существенно возрастут. Наконец, в-третьих, институт гражданского иска не позволяет учитывать положение кредиторов и размер конкурсной массы, с этими экономическими вопросами намного лучше справляется механизм субсидиарной ответственности.

Наиболее приемлемым видится вариант, при котором рассмотрение гражданского

иска при наличии возбужденного обособленного спора о субсидиарной ответственности исключается. В такой системе суд по уголовному делу будет заниматься исключительно тем предметом, на котором он специализируется, в то время как арбитражный суд не столкнется с возможными коллизиями при определении размера ответственности.

Законодатель может принять предложенную нами модель либо выбрать немецкую или китайскую. Большое значение при этом имеет не сам выбор модели, но необходимость как можно раньше провести четкую грань между гражданским и уголовным средством защиты прав кредиторов, не допуская их параллелизма как безусловно негативного явления и для кредиторов, и для делинквента.

Список литературы

- Bittmann F.* Praxishandbuch Insolvenzstrafrecht. 2 Aufl. Berlin: De Gruyter Inc., 2017. 855 s.
- Dannecker G., Knierim T., Smok R.* Insolvenzstrafrecht. 3 Aufl. Heidelberg: C. F. Müller GmbH., 2018. 571 s.
- Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 880 с.
- Балакишин В. С.* Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 31–34.
- Безверхов А. Г., Саусин А. В.* О некоторых вопросах переквалификации преднамеренного банкротства // Законодательство. 2022. № 7. С. 76–81.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2020. 845 с.
- Громов В. В.* Рассмотрение арбитражными судами споров о субсидиарной ответственности лиц, вызвавших банкротство кредитных организаций // Право и экономика. 2007. № 5. С. 55–56.
- Каранетов А. Г., Косарев А. С.* Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 5. С. 3–96.
- Ляскало А. Н.* Конкуренция уголовно-правовых норм и совокупность преступлений при квалификации криминальных банкротств (ст. 195, 196 УК РФ) // Уголовное право. 2013. № 1. С. 49–53.
- Орлова Л. А.* Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 182–190.
- Стасюк И. В.* Субсидиарная ответственность vs возмещение вреда, причиненного преступлением. Конкуренция исков // Закон. 2019. № 1. С. 59–64.
- Сычев П. Г.* Взаимодействие гражданской и уголовной юстиции: проблематика гражданского иска в уголовном деле // Закон. 2014. № 10. С. 95–101.
- Тарасюк И. М., Шевченко И. М.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве за отсутствие документов бухгалтерского учета и отчетности, наличие в них неполной или искаженной информации // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 5–20.
- Трайнин А. Н.* Несостоятельность и банкротство: доклад, читанный в Санкт-Петербургском юридическом обществе. СПб: Юрид. кн. склад «Право», 1913. 61 с.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2017. 736 с.

Анатолий Игоревич Зазулин – кандидат юридических наук, магистрант программы LL. М. Халле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера (Германия), старший юрист юридической фирмы «INTELLECT». 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 15. E-mail: a.zazulin@intellectmail.ru.

ORCID: 0000-0001-6760-0500

Вячеслав Евгеньевич Бирклей – магистрант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; юрист юридической фирмы «INTELLECT». 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 15. E-mail: birkley269@gmail.com.

ORCID: 0009-0003-1113-0003

Civil Action and Subsidiary Liability: Issues of Correlation and Conflict

The authors comprehensively review the correlation between criminal and civil (bankruptcy) qualification of acts related to bringing the organization to bankruptcy by the persons controlling the debtor. Examples are given that reflect both the similarity of offences with delicts (first of all, with Article 61.11 of the Bankruptcy Law) and the similarity of offences themselves (for example, Articles 158 and 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation). The analysis of judicial practice and doctrinal sources allowed the authors to conclude that the elements of bringing to subsidiary and criminal liability for intentional misconduct in bankruptcy are identical, and that, as a result, a number of procedural overlaps and conflicts arises, if the interested parties file a civil claim in court in the framework of criminal proceedings or a claim for bringing persons to subsidiary liability in an insolvency (bankruptcy) case.

The authors cite the procedural consequences of the identity of criminal and civil qualification, the problem of different standards of proof in criminal and civil proceedings, double liability, the problem of different priority of creditors' claims. The approaches to the solution of the problems discussed in the article by foreign legal orders, in particular, Germany and China, are studied. The authors conclude that it is necessary to leave only one of the two mechanisms for the protection of creditors' rights. Such a solution will allow avoiding the conflicts identified in the article and reduce legal uncertainty of creditors.

Keywords: *subsidiary liability, civil action, fictitious bankruptcy, correlation of norms, deliberate bankruptcy*

Recommended citation

Zazulin A. I., Birkley V. E. *Grazhdanskiy isk i subsidiarnaya otvetstvennost': voprosy sootnosheniya i kollizii [Civil Action and Subsidiary Liability: Issues of Correlation and Conflict]*, *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 5, pp. 55–66, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_55.

References

Balakshin V. S. *Istina v ugovnom protsesse [Truth in the Criminal Procedure]*, *Rossiiskaya yustitsiya*, 1998, no. 2, pp. 31–34.

Bezverkhov A. G., Sausin A. V. *O nekotorykh voprosakh perekvalifikatsii prednamerennogo bankrotstva [On Some Issues of Reclassification of Intentional Bankruptcy]*, *Zakonodatel'stvo*, 2022, no. 7, pp. 76–81.

Bittmann F. *Praxishandbuch Insolvenzstrafrecht*, 2 Aufl., Berlin, De Gruyter Inc., 2017, 855 s.

Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya [Contract Law: General Provisions]*, Moscow, Statut, 2020, 845 p.

Dannecker G., Knierim T., Smok R. *Insolvenzstrafrecht*, 3 Aufl, Heidelberg, C. F. Müller GmbH., 2018, 571 s.

Esakov G. A. (ed.) *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi kommentarii* [The Criminal Code of the Russian Federation: Article-by-Article Commentary], Moscow, Prospekt, 2017, 736 p.

Gromov V. V. Rassmotrenie arbitrazhnymi sudami sporov o subsidiarnoi otvetstvennosti lits, vyzvavshikh bankrotstvo kreditnykh organizatsii [Consideration by Commercial Courts of Disputes on Subsidiary Liability of Persons Who Caused the Bankruptcy of Credit Institutions], *Pravo i ekonomika*, 2007, no. 5, pp. 55–56.

Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standards of Proof: Analytical and Empirical Research], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, 2019, no. 5, pp. 3–96.

Lyaskalo A. N. Konkurenciya ugolovno-pravovykh norm i sovokupnost' prestuplenii pri kvalifikatsii kriminal'nykh bankrotstv (st. 195, 196 UK RF) [Competition of Criminal Law Norms and the Totality of Crimes in the Qualification of Criminal Bankruptcies (Articles 195, 196 of the Criminal Code of the Russian Federation)], *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 1, pp. 49–53.

Orlova L. A. Razgranichenie prestuplenii, svyazannykh s bankrotstvom, so smezhnymi pravovymi deliktami [Differentiation of Crimes Related to Bankruptcy with Related Legal Torts], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2018, no. 6, pp. 182–190.

Stasyuk I. V. Subsidiarnaya otvetstvennost' vs vozmeshchenie vreda, prichinennogo prestupleniem. Konkurenciya iskov [Subsidiary Liability vs Compensation for Damage Caused by a Crime. Competition of Claims], *Zakon*, 2019, no. 1, pp. 59–64.

Sychev P. G. Vzaimodeistvie grazhdanskoi i ugolovnoi yustitsii: problematika grazhdanskogo iska v ugolovnom dele [Interaction of Civil and Criminal Justice: Problems of a Civil Action in a Criminal Case], *Zakon*, 2014, no. 10, pp. 95–101.

Tarasjuk I. M., Shevchenko I. M. Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits v dele o bankrotstve za otsutstvie dokumentov bukhgalterskogo ucheta i otchetnosti, nalichie v nikh nepolnoi ili iskazhennoi informatsii [Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in a Bankruptcy Case for the Absence of Accounting and Reporting Documents, the Presence of Incomplete or Distorted Information in Them], *Arbitrazhnye spory*, 2015, no. 3, pp. 5–20.

Trainin A. N. *Nesostoyatel'nost' i bankrotstvo: доклад, chitannyy v Sankt-Peterburgskom yuridicheskoye obshchestve* [Insolvency and Bankruptcy: a Report Read at the St. Petersburg Law Society], Saint Petersburg, Yurid. kn. sklad «Pravo», 1913, 61 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Arbitrazhnyi protsess* [Arbitration Procedure], Moscow, Infotropik Media, 2012, 880 p.

Anatolii Zazulin – candidate of juridical sciences, master's student LL. M. program at Martin Luther University Halle-Wittenberg (Germany), senior lawyer, INTELLECT Law Firm. 620000, Russian Federation, Ekaterinburg, Pervomaiskaya str., 15. E-mail: a.zazulin@intellectmail.ru.

ORCID: 0000-0001-6760-0500

Vyacheslav Birkley – master's student of the Department of civil law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; lawyer, INTELLECT Law Firm. 620000, Russian Federation, Ekaterinburg, Pervomaiskaya str., 15. E-mail: birkley269@gmail.com.

ORCID: 0009-0003-1113-0003

Дата поступления в редакцию / Received: 02.10.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.11.2023